

Новая газ. - 2002. - 11-13 марта. - с. 22.

Картина I

Старинное, с высокими окнами здание на Спартаковской площади в Москве начала XXI века. 18.40. Прилично одетые люди торопливо ныряют внутрь, с превосходством окидывая беглым взглядом кучку горемык у парадного подъезда. Горемыки протестно простирают к пробегающим мерзнущие длани.

Просторный кабинет. Интерьер начала XX века. За длинным столом Светлана ВРАГОВА отмахивается от дыма, который пускает ей в лицо корреспондент «Новой газеты».

Корр. (торопливо заглядывая в блокнот). Как появилась идея такого театра — «Модерн»?

Считаю, тогда и определилось направление моего будущего театра — несчастливая жизнь России, уже многих ее поколений. Все то, что генетически Россия нам наговорила, наобещала, напела, оставила — и что не случилось. Мы не можем исторически продолжить то, что предназначено нам генетически.

Корр. (с досадой). По-вашему, сегодняшние культурные достижения работают больше на прошлое России, чем на ее будущее?

Врагова. Нужно пытаться сохранить хотя бы прошлое, как говорил Лихачев. Хотя бы на сцене вспомнить голоса, манеры, лица Серебряного века.

Корр. (оживляясь). Почему именно Серебряный век?

Врагова. Если хотите посмотреть спектакль, то вам пора.

Корр. Но ведь нет ни одного свободного места.

Врагова. Вам поставят стул.

Картина II

Фойе. Окна и зеркала в стиле модерн. В углу белый рояль. Небольшая группа интеллигентного вида людей продолжает обсуждать увиденное.

Давид Тухманов (Юрию Карякину). Как все-таки важно, чтобы в искусстве была красота!

Юрий Карякин (согласно кивая, обращается к Станиславу Рассадину). Перестройке нужно было случиться хотя бы ради этого спектакля. Дей-

Мы говорим: если у тебя болит совесть, мучайся, переживай, держись достойно. А они нам в ответ: болит? — выпей пива или нескафе. Что касается достоинства, то мне десять раз на дню вдальбивают, что я достойна туши для ресниц. И еще какого-то розового мыла. А я все никак не хочу поверить. Но кто-то уже поверил. И смирился.

Я смотрю в зрительный зал перед выходом на сцену (играю в «Катерине Ивановне» по Леониду Андрееву крохотную роль — и два часа завиваюсь, примеряю шляпу, волнуясь): там, в зале, сидят люди, они купили билеты на свои кровные, они ждут. Меня, а не мыла. Хотите посмотреть? Мы вам поставим стул.

Картина IV

Фойе. Стойка буфета напротив белого рояля.

Пожилой джентльмен (молодой спутнице). По-моему, муж окажется прав — Катерина Ивановна ему изменила.

Спутница (отводя взгляд). Ты о чем? Это ведь Леонид Андреев, тут все гораздо сложнее. Давай разведемся?

Мать (жуя бутерброд, до чери с «Клинским»). Совсем

людей — Ульянова, Доронино, Сергея Яшина, Любовь Орлову (посмертно), Волчек, Сазонову?.. Но это не напечатали. Более того, фамилии упоминаемых мною критиков и названия газет, где они оттачивают свои копыта, заменили латинскими буквами X, K, N...

Корр. Корпоративная этика?

Врагова. Этика? Почему же тогда не пишут: режиссер X поставил кошмарную пьесу в театре Y? Актер N сыграл отвратительно в пьесе L. Госпожа W — долой из театра! Нет, это не корпоративная этика. Это корпоративная цензура. Вот посмотрите, как изящно пишут эти неприкасаемые о спектакле «Священный огонь» по Сомерсету Моэму, поставленному мной во МХАТе, а специально вырезала. (Лезет в сумочку.)

На заднем сиденье вдруг обнаруживаются еще три пассажира. Это рецензенты московских газет. Один из них — дама в норковой шубе и бейсболке.

Врагова (Ямпольской из «Новых известий»). «Производным от внебрачной связи быстро оказывается беременность...», «Священный огонь» — не хилое бремя даже для выносливых плеч...». Это безобразие вы написали? (Ямпольская молчит, переворачивая бейсболку. На светофоре машина останавливается, она выходит.)

Вообще после прочтения некоторых рецензий на «Священный огонь» у меня создалось полное ощущение, что рецензенты смотрели совсем разные спектакли.

Алпатова (газета «Курьера»). В проявлении их страстей господствовала сдержанность, за исключением разве что эмоциональных всплесков у Мориса...

Красовский («Независимая газета»). О том же спектакле. В «Священном огне» очень сильно, много и долго кричат... Е-мое!

Врагова. А один критик почему-то решил, что индианка с лепесточками, служанка, и есть мать героя! Правда ведь, е-мое?

Алпатова, Красовский и еще кто-то неопознанным растворяются в сыром мартовском воздухе.

Корр. Не боитесь испортить отношения с некоторыми изданиями?

Врагова. В конце концов, на карту поставлено достоинство нашей профессии. И хотя от беспомощной критики никак не зависит репутация театра (например, все билеты на «Священный огонь» проданы на месяц вперед и с рук, говорят, стоят до двух тысяч рублей), мы не должны спускаться ни хамское обращение... (Заметив диктофон.) Кстати, хочу сказать: я очень благодарна Олегу Павловичу Табакову за его смелый поступок — разрешить поставить во МХАТе «немхатовскую» пьесу. Хотя не исключено, что мною были допущены и какие-то ошибки. Это не важно. Важно, чтобы в этом театре начали появляться постановки неожиданные, ломающие стереотипы. Ведь случайно Табаков прочитывает чуть ли не по десять пьес за день!

Корр. Кстати, почему, на ваш взгляд, народ снова повалил в театры?

Врагова. Сначала родился великий читатель, и только потом Пушкин. Не великий народ, а именно великий читатель — довольно узкий, но необходимый круг для рождения гения. Сейчас народ, уставший ждать перемен к лучшему и откладывать на потом «культурный отдых», действительно пошел в театр. Хотя великий зритель из него еще не родился...

Занавес открывается.

● Анна САЕД-ШАХ

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА

ДЛЯ ВЫБРОШЕННОГО РОЯЛЯ

Действующие лица:

Светлана Врагова — главный режиссер театра «Модерн»,
Корреспондент «Новой газеты»,
Давид Тухманов — композитор,
Юрий Карякин — философ, литературовед,
Станислав Рассадин — литературовед, критик,
Ямпольская, Красовский, Алпатова — рецензенты московских газет,
Мать с дочерью-подростком,
Пожилой господин с молодой спутницей

Врагова (доброжелательно). Думаю, он начался с моей первой постановки «Унтиловск» по малоизвестному роману Леонида Леонова, за который он едва не очутился в сталинских лагерях. Это замечательный роман. О вечно сырьевой России... Там был, например, концертный рояль, который потом выбрасывают... Людмила Скопина, актриса Театра Пушкина, рассказывала мне, как матросы в революционном порыве выбрасывали со второго этажа чудесный белый рояль. А Лариса Рейснер — хоть и замнаркома, но все же потомок Хитрово и дочь профессора — ехала мимо и даже не повернулась в эту сторону. И комсомолы Унтиловска все куда-то едут и едут, не оглядываясь, а куда — неизвестно. Даже в восьмидесятые это можно было поставить, только прикрывшись именем автора.

Врагова (веско). А он и есть точка перелома. Пути нашей подлинной культуры проходят через Серебряный век и в него же ведут.

Корр. (заглядывая в блокнот). Ваши актеры — ваши единомышленники?

Врагова. Артисты сейчас по большей части слишком нормальные люди. Истинный актер должен быть более ироничен к себе, к своему успеху, карьере. Ему должно быть все равно, что есть, что носить, на какой машине ездить. Чтобы потом там, на сцене, он смог катапультироваться из тела. Вот где момент смерти!.. и рождения артиста. Видели, как в «Счастливых событиях» сидит Сережа Пинегин в своей колбе? Я уверена, что, не будь никакой колбы, он сам бы себе ее устроил, сжимая собственную жизнь не до понятия наслаждения, а до какого-то важного урока. Так и рождаются великие артисты.

Сейчас большинство театральных актеров страдают от того, что их мало показывают по ящику. Я даже сама хочу (больше для них, чем для себя) снять семисерийный сериал по «Петле» Рустама Ибрагимбекова, которую недавно поставила в своем театре.

Корр. (выпуская струю дыма). Неужели не происходит катарсиса от прямого контакта с восторженным зрителем? И даже после триумфа в Америке с «Дорогой Еленой Сергеевной»?

Врагова (строго). Триумф — вещь крайне опасная для незрелых душ. Тогда после успеха распалась труппа — актеры стали перетаскивать в другие театры. К сожалению, большая часть из них погибла в профессиональном смысле... Мне не хватает удовольствия от общения с актерами. Моя режиссура в основном донорская. Пока они мечтают о сериалах, я их пытаюсь гипнотизировать, диктую им культуру — кошмар! Когда вижу, что вокруг моей любимой культуры образуются теплушки и баобабы, я объявляю им войну, вырываю сразу, иначе они засорят планету.

Корр. Знаю-знаю, вы сейчас репетируете «Маленького принца»!

ствительно «Счастливого события».

Станислав Рассадин. Все-таки искусство должно всегда, как в этом спектакле, оставаться в рамках культуры.

С лестницы в фойе спускаются два ангела с трубами, приглашая зрителей в зал.

Картина III

Вечер следующего дня. 18.35. В кабинете уже освоившийся корреспондент с чашкой кофе и дама в причудливой шляпе и светлом длинном платье начала прошлого века. Только внимательно приглядевшись, зритель может узнать в даме режиссера Врагову.

Корр. Я читала, что в Марселе колоссальному успеху «Счастливого события» не помешала бабочка, порхавшая зимой над сценой. А вчера, в Москве, не смогла помешать даже разгуливавшая по сцене рыжая кошка. Совершенно непонятно, почему эта постановка не удостоилась никакой серьезной российской премии...

Врагова. Я недалековидна и самонадеянна — не обзавелась «кругом друзей театра». Мне казалось, что вот я поставила хороший спектакль — и этого вполне достаточно. А еще у меня характер тореадора — возможно, из-за него? Мои публичные выступления зачастую были острее, чем необходимо для приглашения в стадо неприкасаемых священных коров.

Корр. Вчера в антракте Рассадин сказал очень важную, на мой взгляд, вещь: что искусство должно всегда оставаться в рамках культуры.

Врагова. Искусство настолько приблизилось к жизни, что стало ею, а не наоборот. Искусство жить «за стеклом», выжить и получить за это квартиру.

Чтобы превратить народ в толпу или послушное стадо, если хотите, не нужно никаких репрессий — достаточно снизить уровень требований и говорить: ты царь всей этой своей природы и именно этого достоин. Изменяешь? Подумаешь! Ворует? Нехорошо, конечно, но ничего, кто теперь не ворует.

Светлана Врагова в своем театре

Влад. ЛОКТЕВ